

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ 1970-2000-х годов

На развитие литературного процесса 1970—2000-х гг. оказывали влияние международные и внутригосударственные обстоятельства: «Пражская весна» (1968), чернобыльская трагедия (1986), война в Афганистане (1979—1986), ослабление военно-промышленного комплекса страны, вывод советских войск из стран Западной Европы, объединение Германии (разрушение Берлинской стены, 1989), распад Советского Союза и образование СНГ в результате Беловежского соглашения (1991), окончание советской власти и пресечение коммунистической идеологии ввиду так называемого «путча» (1993), война в Чечне (1994—1996, 1999—2004), смена глав государства. Произошло немало событий литературной жизни, побуждающих читателя к поиску новых ориентиров, новых критериев осмысления и оценки. Литература 1970—2000-х годов не представляет собой единого потока и, как уже справедливо замечено авторами учебных пособий¹, распадается на периоды: поздний советский (1970-е — середина 1980-х гг.), «перестроечный» (от середины 1980-х до середины 1990-х гг.) и постсоветский, или постперестроечный (с середины 1990-х гг. по настоящее время).

Граница между 1960-ми и 1970-ми гг. в истории русской литературы размыта. Многие писатели, начинавшие творческий путь ранее, оставались верными прежде найденным ими принципам. По сути, непрерывно развивалась «лейтенантская проза», «деревенское» направление в литературе.

Литературный процесс 1970—1980-х гг. состоит из трех переплетающихся ответвлений: первое включает деятельность писателей, печатавшихся в Советском Союзе; второе представлено литературой третьей волны русской эмиграции; наконец — это так называемый «андеграунд», подполье, находившее выход к читателю через «самиздат»,

¹ Русская литература XX в.: В 2 т. / Под ред. Л. П. Кременцова. М., 2002; *Зайцев В.А., Герасименко А.Л.* История русской литературы второй половины XX века. М., 2004.

«тамиздат», а то и не имевшее в те годы читательской аудитории (авторы писали произведения «в стол»).

Меньшей внешней структурированностью, пестротой и методологической разнородностью отличается постперестроечный период. С одной стороны, возрождаются традиции русской классической литературы XIX в., христианские идеалы, большое место занимает обращение к традициям святоотеческой литературы, праздничного, житийного характера, с другой — интенсивно развивается постмодернизм, опирающийся на открытия западноевропейской литературы, метод потока сознания и отчасти на достижения русской модернистской литературы Серебряного века.

Основным литературным методом в 1970-е гг. продолжал оставаться социалистический реализм, но уже постепенно он переставал восприниматься как догма, подчеркивалась его открытость, что давало основания включить в эту художественную систему талантливые произведения, не подчиненные ранее установленным тенденциям и границам. Теоретиками литературы разрабатывалась типология, позволявшая включать в пределы «канонического» метода романтические, «просветительские», экспрессионистские произведения.

Несмотря на провозглашенный позднее «застой», в 1970 — 1980-е гг. литература совершенствовалась, обогащалась, приобретала более высокий эстетический уровень. Складывались новые тенденции, бывшие только ростками в годы «оттепели». Значительным явлением стало формирование проблемно-тематических направлений, условно названных «деревенская», «военная», «городская», «производственная» литература. Успех многих из них, несомненно, связан с приходом талантливых русских писателей: Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Распутина, В. Белова, А. Вампилова, а также писавших по-русски (или переводивших свои произведения на русский язык) выдающихся представителей других национальных литератур: В. Быкова, Ч. Айтматова, Н. Думбадзе, Ф. Искандера и др. Принадлежность к социальной общности «советский народ», с детства усвоенный интернационализм, искренняя преданность художественным идеалам русской литературы в 1990-е гг. привели некоторых из них к драматичным обстоятельствам ввиду резкого обособления национальных культур.

В 1970— 1980-е гг. очевидной стала органичность и внутренняя близость между «деревенской» и «военной» прозой (оба направления слились, например, в повестях «Живи и помни» В. Распутина и «Усвятские шлемоносцы» Е. Носова). Происходит углубление нравственно-гуманистической и философской тематики в прозе и поэзии о войне (В. Астафьев, В. Быков, Ю. Бондарев, Д. Самойлов, А. Тарковский и др.).

Новое освещение получают социально-философские и экологические проблемы, заостренные в свое время М. Пришвиным, Л. Леоновым и К. Паустовским, в произведениях В. Пескова, В. Астафьева («Царь-рыба»), В. Распутина («Прощание с Матёрой») и др.

Опережая историков и социологов на десятилетия, писатели-«деревенщики» раскрывали правду о коллективизации, о роли крестьянства во время Великой Отечественной войны, о его мытарствах в послевоенный период. В произведениях Ф. Абрамова, В. Белова, В. Шукшина, В. Распутина, И. Акулова, М. Алексеева, Б. Можая остро поставлен вопрос о раскрестьянивании, о массовом уходе людей из деревни в город, о судьбе человека, вынужденного покинуть деревню, но так и не нашедшего своего места в городе. «Деревенскую прозу» считают «великим феноменом второй половины XX в.»¹.

Теоретик и практик Ф. Абрамов вслед за поэтами и прозаиками новокрестьянского направления 1910—1930-х гг. заговорил об исходе крестьянской цивилизации, о том, что деревня является «материнским лоном», где зарождался и складывался национальный характер. Писатель сформулировал кредо современной литературы — «всеми силами будить в человеке человека»².

В конце 1980-х гг., когда в критике стали говорить о «затухании» «деревенской прозы», один за другим стали появляться произведения, в которых раскрывался новый взгляд на историю нэпа в деревне и коллективизации: «Кануны» В. Белова, «Касьян Остудный» И. Акулова, «Мужики и бабы» Б. Можая. В этих романах о 1920-х гг. запечатлено время до коллективизации, когда в отношениях между сельскими жителями преобладали мир и согласие. В. Белов пишет «Лад» (1971 — 1981) — книгу очерков, где раскрывает основы внутренне гармоничной и целесообразной народной этики и эстетики. Окончание деревенского «рая», зафиксированное М. Шолоховым уже в начале 1930-х гг. (1 кн. «Поднятой целины»), осмысленное С. Залыгиным в повести «На Иртыше» в 1960-е, находит новых летописцев в 1970—1980-е гг. Среди них Ф. Абрамов (повесть «Поездка в прошлое», 1974, опубл. 1989), И. Акулов (роман «Касьян Остудный»),

«Военная проза», активное формирование которой развернулось в 1950—1960 гг., в 1970—1980-е гг. занимает по-прежнему достойное место в литературном процессе. Широк ее тематический диапазон: от фронтового окопа — до тыла, от военного поста отдельного солдата или офицера — до ставки Верховного Главнокомандующего в произведе-

¹ Бондаренко В. Серебряный век простонародья // День литературы. 2002. № 11. С. 1.

² Абрамов Ф. Чем живем-кормимся. Л., 1986. С. 225.

ниях К. Симонова (две части трилогии «Живые и мертвые»: «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето»), И. Стаднюка — «Война», А. Чаковского — «Блокада», «Победа» и др. Таким образом, сложился «панорамный роман», где соединились «панорамность» и «окопность».

«Окопная» правда раскрывалась с новой обстоятельностью и глубиной в так называемой «лейтенантской прозе»: произведениях Б. Васильева, В. Астафьева, В. Быкова, Г. Бакланова, Е. Носова, Ю. Бондарева, Вяч. Кондратьева и др. Судьба героев, попавших на передовую, раскрывается бывшими лейтенантами с подчеркнутым трагизмом, в обнажении внутреннего драматизма характеров, через столкновение человека со сложным сплетением «бесчеловечных обстоятельств» (формула В. Быкова).

Ю. Бондарев в своих романах «Берег», «Выбор», «Игра» выдвинул проблему ответственности интеллигенции за судьбу послевоенного мира. Связь прошлого и настоящего, войны и отстоящей от нее на десятилетия «современности» стала для писателя основой совмещения в художественном тексте временных пластов с помощью многогранно разработанного приема ретроспекции. Этот прием стал в эти годы активно использоваться и другими писателями.

Особое место в литературе о войне занимают повести Е. Носова «Усвятские шлемоносцы», В. Астафьева «Пастух и пастушка», Вяч. Кондратьева «Сашка», в которых слились романтико-героическая линия и эпическая (с натуралистическими и мифологическими составными элементами), очевидны связи с устным народным творчеством, различными его формами. Сложный стилевой синтез позволил Е. Носову воссоздать войну без войны, воплотить образ Касьяна-шлемоносца — сказочно-былинного богатыря и одновременно простого мужика-сеятеля, отодвинутого от земли, семьи и природной благодати войной.

В повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» четко обозначена антивоенная концепция писателя, он сопоставил две трагические судьбы. Один из героев Астафьева, старшина Мохнаков, сердце «истратил» на войне, живет головой и подвиг свой последний совершает, бросаясь под немецкую самоходку с противотанковой миной, с рациональной расчетливостью и вместе с тем от усталости, с оттенком приговора себе, утратившему человечность. Другой герой — лейтенант Борис Костяев, напротив, вобрал в свое сердце боль всех страдающих на войне, его сердце надорвалось от сострадания измученной Люсе и разлуки с ней, погибшим старику и старухе, придавленному самоходкой немцу. В конечном итоге притупляется его инстинкт самосохранения, он умирает

от незначительной раны, с неутоленной жаждой любви, в мире, объятom безумием жестокости. В повести «Сашка» Вяч. Кондратьева в центре внимания — по-настоящему гражданственное чувство ответственности рядового Сашки за свой участок фронта, совестливости перед пленным немцем, перед голодными жителями, ограбленными немцами и вынужденными кормить не поставленных на довольствие наших раненых, его тревожит чувство вины перед погибшим от взорвавшейся мины спутником, обижает измена полюбившейся в госпитале девушки. Достоинство повествования составляет не только сюжет и переживания героя, его умение отстаивать правду, но и многочисленные детали военного быта, реалии фронтовой и прифронтовой полосы, иногда натуралистически — обнаженные.

Документальная и художественно-документальная литература о войне, созданная ранее, активно публиковалась в 1970—1980-е гг. Вслед за мемуарами маршалов Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского и др. появились произведения, созданные на документальной основе. Среди них романы В. Богомолова «В августе сорок четвертого», Карпова «Полководец» и А. Крона «Капитан дальнего плавания», одно из достоинств двух последних — в воссоздании характеров реальных участников войны, Героев Советского Союза И.Е. Петрова и А.И. Ма-ринеску.

В ином ключе в 70-е гг. проходят искания героев в «городской» прозе. «Городская» проза не стала таким феноменом, как «деревенская», но способствовала выявлению интеллектуального потенциала героя-современника. Привычные представления о «простом советском человеке» кардинально изменились благодаря произведениям А. Вам-пилова, Ю. Трифонова, Ю. Нагибина, А. Битова, Д. Гранина. Противостояние их «антигероев» процессам активной социальной жизни рисуется как поиск внутренних ресурсов в себе самом. И в пьесах А. Вампилова, и в повестях Ю. Трифонова по мере погружения в глубины души человека, проходящего испытания бытом, расширяются границы рефлексии героев.

В центре внимания критики в этот период оказалась драматургия М. Шатрова, создавшего цикл документально-публицистических пьес о Ленине и революционных событиях: «Шестое июля», «Революционный этюд. (Синие кони на красной траве)», «Так победим!», «Дальше: Дальше: Дальше» и др. В них проступала личность трагического вождя, Ленин стал литературным персонажем, включенным в условную историческую ситуацию. Пьесы М. Шатрова были поставлены на сцене, их постановку осуществляли талантливые режиссеры О. Ефремов, М. Захаров. Ленин во многих драмах изображен незадолго перед кон-